

Винсент Ван Гог Письма

1886—1890

иллюминатор
москва, 2023

Содержание

Письма к Теодору и Виллемине Ван Гог и к Ливенсу	12
	14 <u>Париж</u> <i>Февраль 1886 — Февраль 1888</i>
Письма к Теодору Ван Гог	46
	48 <u>Арль</u> <i>Февраль 1888 — Май 1889</i>
	354 <u>Сен-Реми</u> <i>Май 1889 — Май 1890</i>
	488 <u>Овер</u> <i>Май — Июль 1890</i>
Письма к Эмилю Бернару	522

Письма
к Полю Гогену 608

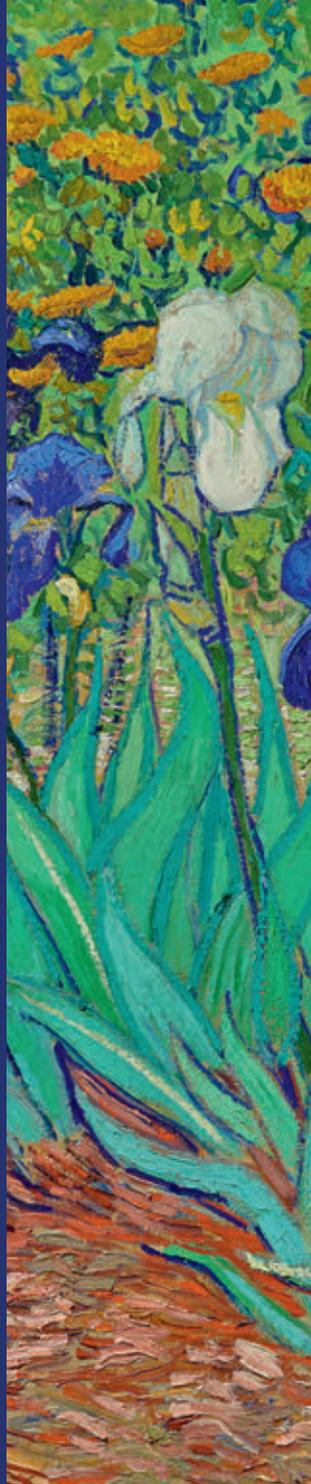
Письма к Полю
Синьяку, Иоганне Ван
Гог-Бонгер, Иозефу
Якобу Исааксону
и Альберу Орье 624

Указатель имен 642

Французский период

1886—1890

Тео, вероятно, был этим огорчен, но могу уверить тебя, что, в общем, он не принял это слишком близко к сердцу и продолжает делать свое дело, несмотря на то, что сейчас для торговцев картинками трудное время; не исключено поэтому, что его голландскими друзьями двигала *jalousie de métier*⁷.

Что мне сказать о твоём литературном опыте — наброске о растениях и дожде? Ты сама видишь, как много гибнет в жизни цветов — их топчут ногами, их губят морозы, иссушает солнце. Более того, отнюдь не каждое зерно, вызрев, возвращается в землю, чтобы вновь прорасти и стать злаком; наоборот, большинству зерен суждено не развиваться естественным путем, а попасть на мельницу. Не так ли?

Кстати, по поводу сравнения человечества с хлебными зёрнами. В каждом здоровом и нормальном человеке живет то же *стремление вызреть*, что и в зерне. Следовательно, жизнь есть процесс *вызревания*.

Тем же, чем для зерна является стремление вызреть, для нас является любовь.

Я думаю, что как только наше естественное развитие задерживается, как только мы видим, что наше стремление вызреть неосуществимо, нам остается лишь молча потупить с вытянутой физиономией, поскольку наше положение в этом случае столь же безвыходно, как положение зерна, угодившего между жерновами. Но даже тогда, когда дело с нами обстоит именно так и нас совершенно подавляет невозможность естественно развиваться, среди нас всегда находятся такие, кто, покоряясь неизбежному ходу событий, вместе с тем не отказывается от самосознания и от самоуважения, кто хочет знать, что происходит вокруг, и с ним в частности.

Однако, когда одушевленные этим благим намерением и преисполненные доброй воли, мы ищем книги, которые, как нас уверяют, могут стать для нас лучом света во мраке⁸,

7. Профессиональная зависть (*франц.*).

8. Вероятно, отсылка к Ин. 1:5. — *Прим. ред.*

нам крайне редко удается найти нечто положительное, нечто такое, что дает утешение.

Меланхолия и пессимизм — вот недуги, которые особенно болезненно гнетут нас, цивилизованных людей. Недаром поэтому я сам, человек, уже много лет утративший желание смеяться (моя это вина или нет — не важно), острее, чем кто-либо другой, испытываю потребность в настоящем здоровом смехе. И этот смех я нахожу у Мопассана, равно как у других авторов — из стариков у Рабле, из современников у Анри Рошфора. Есть он и в вольтеровском

Винсент Ван Гог. Натюрморт с виноградом, яблоками, грушами и лимонами. Холст, масло. 1887. Чикагский институт искусств

в тени, подчеркнутой и отбрасываемой смоковницами и тростником. Вот бы Квоста или Жаннена сюда! Ведь для того, чтобы охватить все это, нужна целая школа, нужно, чтобы художники — портретисты, жанристы, пейзажисты, анималисты — вместе работали в одной местности, дополняя друг друга, как старые голландцы...

<...>

Здесь, даже в дни безденежья, есть одно преимущество перед севером — прекрасная погода (мистраль — и тот ее *не портит*). Великолепное солнце, на котором иссох Вольтер, попивая свой кофе. Тут всюду невольно чувствуется что-то от Вольтера и Золя. Все тут так живо — настоящий Ян Стен или Остаде!

<...>

Последние дни чувствую себя очень, очень хорошо. Надеюсь со временем стать настоящим местным жителем.

У одного крестьянина я видел в саду резную деревянную статую женщины, когда-то возвышавшуюся на носу испанского корабля. Она стояла в кипарисовой рощице и страшно напоминала Монтичелли.

Ах, эти крестьянские сады с их большими красными великолепными провансальскими розами, с их лозами и смоковницами! Как поэтично все это выглядит под могучим, всегда ярким солнцем, несмотря на которое листва остается свежей и зеленой!..

<...>

Мой сосед и его жена (бакалейщики) до странности походят на чету Бюто.

Однако здесь ферма и кабак выглядят менее зловеще и драматично, чем на севере: зной и т. д. делают нищету менее безысходной и удручающей. <...>

Арль, четверг, 9 августа 1888

[658]

<...>

Счастлив сознавать, что прежние мои силы восстанавливаются быстрее, чем я мог надеяться.

Я обязан этим, в первую очередь, содержателям ресторана, где я сейчас столюсь, — это исключительные люди.

Винсент Ван Гог. Урожай. Бумага, перо, коричневые чернила, графит. 1888. Национальная галерея искусства, Вашингтон

Vincent 87

Винсент Ван Гог. Подсолнухи.
Холст, масло. 1887.
Метрополитен-музей, Нью-Йорк

*Жак Адриан Лавьей. Утро. Гравюра с работы
Жана-Франсуа Милле. 1830–1875.
Метрополитен-музей, Нью-Йорк*

Мне довольно сильно нравится «Вход в каменоломню», написанный мною в тот момент, когда я почувствовал, что на меня опять накатывает. На мой взгляд, темная зелень хорошо сочетается с охрами. Во всей вещи есть что-то печальное, но здоровое и потому не скучное. То же можно, пожалуй, сказать и о «Горе». Мне возразят, что горы не бывают такими, что картина воспроизводит отрывок из книги Рода — одно из немногих мест в ней, которые мне нравятся, — где описывается глухой горный край, где чернеют хижины козопасов, а перед хижинами цветут подсолнечники.

Оливы с белым облаком и горами на заднем плане, так же как восход луны и эффект ночи, более экспрессивны с точки зрения общей организации пространства. Линии искривлены, как в некоторых старинных гравюрах на дереве. Оливы бо-

*Винсент Ван Гог. Утро. Отправление на работу
(подражание Милле). Холст, масло. 1890.
Собрание Государственного Эрмитажа*

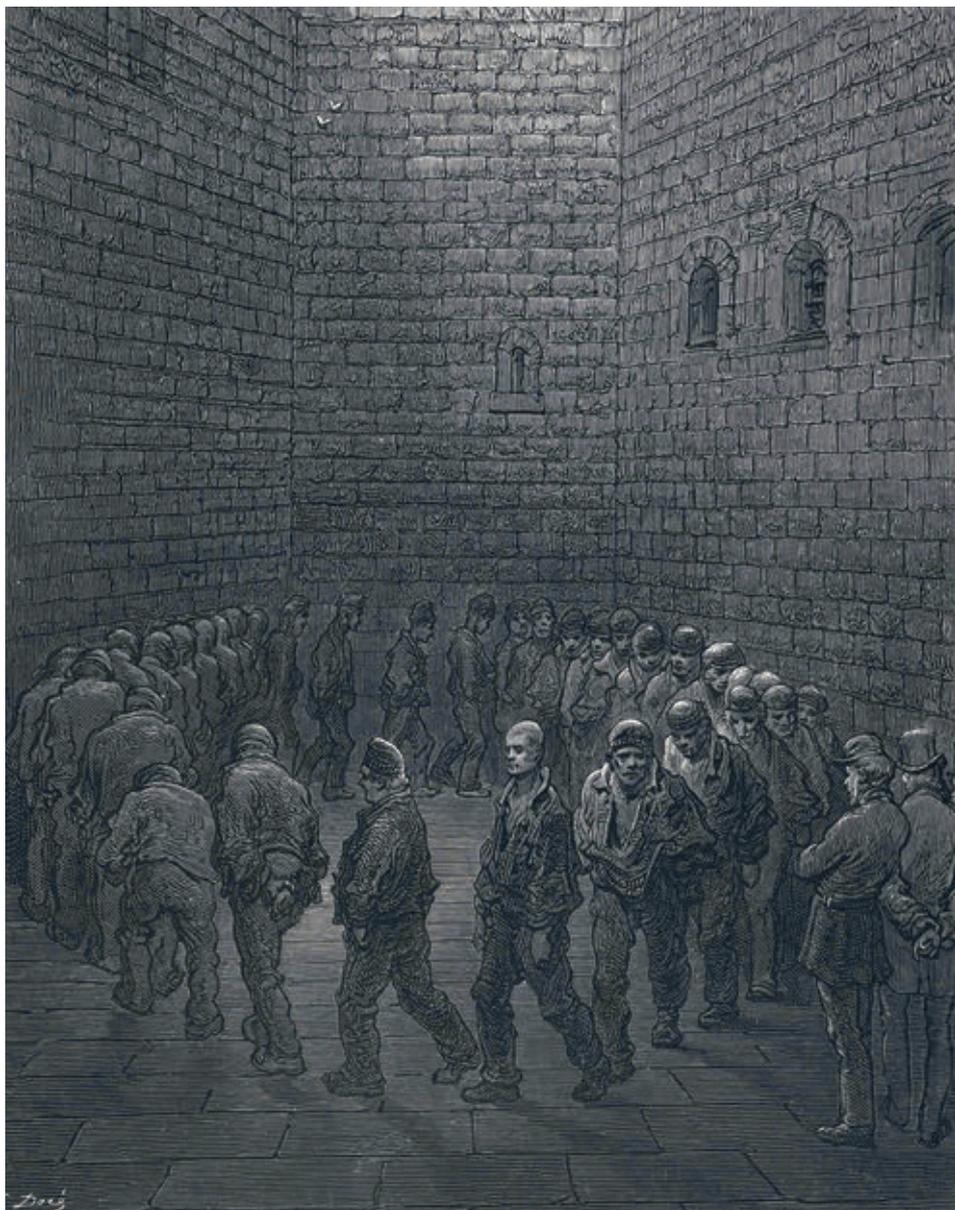
лее характерны, чем в другом этюде. Я попытался запечатлеть в картине тот знойный час, когда порхают зеленые бронзовки и скачут кузнечики.

Остальные вещи — «Жнец» и т. д. еще не просохли.

Теперь, пока длится непогожее время года, я постараюсь побольше копировать: мне действительно необходимо как можно больше работать над фигурой.

Именно работа над фигурами учит схватывать существенное и упорщать.

Ты пишешь, что я всю жизнь якобы только и знал, что работу. Нет, это не верно: я лично очень недоволен своей работой и утешаюсь одним — тем, что, по мнению сведущих людей, живописцем можно стать лишь тогда, когда лет десять поработаешь впустую. А я как раз и убил 10 лет на неудачные

Элиодор-Жозеф Пизан. Прогулка заключенных. Гравюра с работы Гюстава Доре. Иллюстрация из книги Уильяма Бланшара Джеррольда «Лондон. Паломничество» (1872). Британская библиотека

Винсент Ван Гог. Прогулка заключенных. Холст, масло. Февраль 1890.
ГМИИ им. А. С. Пушкина, Москва

Май 1888 — Июнь 1890

Отношения Винсента с Полем Гогеном (1848–1903), крупнейшим французским художником периода постимпрессионизма, были весьма сложными. Чувства дружбы и уважения, которые Ван Гог неизменно питал к Гогену после личного знакомства, состоявшегося в Париже в ноябре 1886 г., встречали у последнего то горячий отклик, то неприязнь и скрытую вражду. Кульминационным пунктом отношений между художниками была попытка совместной работы в «Желтом домике» в Арле, окончившаяся, как известно, трагически для Ван Гога. С этим событием и связаны письма Винсента: четыре первых, датируемые маем — октябрём 1888 г., настойчиво зовут Гогена в Арль, два последних, отправленные в январе 1889 г. и в июне 1890 г., посвящены воспоминаниям об Арле и новым планам совместной работы, которым не суждено было осуществиться.

Дружище Гоген,

Я очень часто думаю о тебе, и если сел за письмо только теперь, то лишь потому, что не хотел писать пустых фраз...

<...>

Хочу сообщить тебе, что я снял здесь, в Арле, дом из четырех комнат.

Мне кажется, если я найду еще одного художника, который захочет разрабатывать тему юга и, подобно мне, будет так поглощен работой, что согласится жить, как монах, раз в две недели посещая бордель, а в остальное время не отрываться от работы и не терять попусту время, тогда все устроится превосходно. Я здесь один и немного тоскую в одиночестве.

Вот почему я уже давно намеревался откровенно поговорить с тобой.

Ты знаешь, что мы с братом высоко ценим твою живопись и очень хотим, чтобы жилось тебе поспокойнее.

Тем не менее мой брат не в состоянии одновременно посылать деньги тебе в Бретань и поддерживать меня здесь, в Провансе.

Не хочешь ли ты устроиться тут вместе со мной? Если мы обоснуемся вдвоем, у нас, может быть, хватит на жизнь. Я даже уверен, что хватит. Лично я, взявшись за такой сюжет, как юг, не вижу оснований от него отказываться.

Я приехал сюда больным, выздоровел здесь и не склонен отрываться от юга, где почти круглый год есть возможность работать на воздухе.

Жизнь тут, правда, несколько дороже, но зато и больше шансов делать хорошие картины. Как бы то ни было, ты можешь перебраться сюда, если только мой брат сумеет выкратить для нас 250 фр. в месяц. При этом условии мы справимся.

74. Черновик этого письма Ван Гог отправил брату вместе с письмом № 616. — Прим. ред.